

— Дверь я не открою, так что уходите, — отрезал Дин Тянь, развернулся и пошёл прочь.

За прочность ворот он не опасался. Всё-таки это темница, и здешние запоры уступали крепостью разве что городским воротам. Даже засов отлили из чистейшего железа — прежний уездный судья, господин Ду, в своё время отдал на этот счёт самый строгий приказ. На затворы для тюрьмы и казённых складов железа не жалели, выбрав лучшие материалы. Так что эти двое снаружи могли надрываться сколько угодно: даже если бы к ним примкнул десяток-другой человек, внутрь им было не пробиться.

За их тщетными попытками поднять шум, разумеется, наблюдала вся управа. Впрочем, довольно скоро незваные гости выбились из сил и убрались восвояси.

Однако тем же вечером к нему пожаловали с подношением — принесли целую миску сочной тушёной свинины в соевом соусе. Дин Тянь молча скользнул взглядом по лоснящемуся красному мясу, но протягивать руку не стал.

Посыльный растерянно заморгал:

— Ну чего ты застыл? Бери давай!

— Уноси обратно, — качнул головой Дин Тянь. — Сам ешь, дарю.

С этими словами он развернулся и ушёл к себе.

Парень ещё долго кричал ему вслед, но молодой тюремщик даже не обернулся. Аромат от свинины исходил поистине царский. Посыльный, обычный прислужник из управы, исходил слюной от одного только вида этой роскоши. Недолго думая, он утащил миску в каморку и разделил пиршество с приятелями-чернорабочими.

На следующий день, когда Дин Тянь собрался навестить второго дядю, он случайно услышал, как у ворот ворчит Линь Ци:

— Ишь, не в коня корм! Дорвались, обжоры, до барского стола, аж брюхо скрутило. Теперь с горшка слезть не могут, ноги не держат.

Дин Тянь на мгновение задумался, усмехнулся про себя и зашагал дальше.

Дела в лавке шли на лад: закупки зерна продвигались успешно, крестьяне из окрестных деревень везли отборный товар, привлечённые честной ценой. Запасы росли, а значит, требовалось позаботиться об их сохранности. Второй дядя как раз пропадал на заднем дворе, присматривая за возведением новых амбаров.

Стены выкладывали из тёсаных плит прочного серого гранита. Работа обходилась недёшево, зато такие закрома могли стоять веками — ни сырость их не брала, ни грызуны.

Проведав дядю, Дин Тянь заглянул в дом. Вторая тётушка снарядила его в дорогу, вручив целую корзину пышущих жаром кукурузных лепёшек-вовотоу:

— Вот, возьми, Тянь-эр. Хочешь — сам ешь, хочешь — арестантам раздай. Мука у меня чистая, из доброго зерна молотая.

Деревенский люд отличался простотой и прямотою. К колодникам, коли те не запятнали себя душегубством или иным лютым злодейством, относились пусть и свысока, но без лишней жестокости.

— Спасибо, тётушка, пригодятся, — поблагодарил Дин Тянь и, закинув корзину за спину, пошагал обратно в управу.

Но стоило ему переступить порог, как до него донесли: уездный судья с ног сбился, разыскивая его. Оказывается, пока у молодого тюремщика был выходной, кое-кто попытался проникнуть в темницу, да только упёрся в наглухо закрытые ворота — без Дин Тяня ключей ни у кого не нашлось.

Говорили, господин Ма рвал и метал, приказав Дин Тяню явиться к нему пред светлые очи без малейшего промедления.

— Вот как? Что ж, сначала пристрою лепёшки, — спокойно отозвался Дин Тянь.

Ничуть не суетясь, он прошёл в свою каморку, бережно переложил гостинец, сменил будничное платье на форменное и лишь после этого отправился к уездному судье.

Впрочем, дойти до личных покоев начальника он не успел. Едва приблизившись к переходу, ведущему во внутренний двор тюрьмы, Дин Тянь обнаружил, что господин Ма со свитой уже ждёт его прямо у ворот.

— Господин судья? — изобразил крайнее изумление Дин Тянь.

— Отпирай, — хмуро бросил господин Ма. Лицо его было темнее тучи.

Дин Тянь уже потянулся к тяжёлой связке на поясе, но, заметив ухмыляющуюся физиономию маячившего за спиной чиновника избалованного шурина, помедлил. Рука его замерла.

— Куда это вы направились, позвольте спросить?

— Уездный судья желает лично осмотреть камеры, — с нескрываемым раздражением процедил господин Ма.

Сзади него нетерпеливо переминался с ноги на ногу изнеженный родственник в сопровождении четырёх дюжих слуг, а чуть поодаль застыл личный советник Син, чей взгляд не предвещал ничего хорошего.

Дин Тянь даже не шелохнулся:

— Помилуйте, господин судья, вашему превосходительству вход всегда открыт. Но вот молодому господину и его свите тут делать нечего. Тюрьма — место мрачное, полное скверны и дурных предзнаменований, благородным господам негоже навлекать на себя беду.

— Раз господин уездный судья велит — отпирай без лишних разговоров! — подал голос личный советник Син. В его тоне сквозила нервозность, которую он тщетно пытался скрыть за приказным окриком.

Дин Тянь прикинул свои шансы. Силой противостоять начальству он не мог, но и уступать без боя претило его гордости. Пока он лихорадочно соображал, как поступить, с внешнего двора, ломая все приличия, с дикими криками примчался запыхавшийся слуга. Запнувшись о порог, он едва не растянулся у ног судьи:

— Господин судья! Господин судья!

— Что за крик?! — поморщился господин Ма. Больше всего на свете его раздражало невежество прислуги, не умеющей держать себя в узде.

— Там... Его превосходительство префект... И генерал Гао... Они прибыли! Вместе! — задыхаясь, выдавил бедняга. Слова давались ему с трудом, он хрипел и хватал ртом воздух.

— Говори толком, недоумок! — лениво прикрикнул разнеженный шурин и пинком сбил запыхавшегося слугу на пол.

— Пощадите, господин... — слуга поспешно закивал, поднимаясь на колени. — Генерал Гао и господин префект уже у самых ворот! И... и ещё... Управу со всех сторон окружили регулярные войска!

У господина Ма перехватило дыхание, взгляд его остекленел, а с лица мгновенно схлынула вся краска.

— Что?.. — прошептал он помертвевшими губами. — Что ты сказал?

Стоявший рядом личный советник Син закатил глаза и, издав слабый хрип, мешком повалился на каменный пол без чувств.

Молокосос-шурин, ещё не сообразивший, что к чему, продолжал заносчиво покрикивать:

— Да что ты заикаешься, дуралей? Ну приехали и приехали! Живо зови управляющего, пусть велит на кухне забивать скотину. И сестрице моей передай, чтобы прихорашивалась да накрывала на стол. Подумаешь, префект пожаловал! А вот визит самого генерала Гао — это честь великая, нельзя ударить в грязь лицом перед таким гостем!

Генерал Гао Миньчжун занимал пост второго воеводы в Северном военном лагере и считался одним из самых преданных и способных учеников прославленного главнокомандующего Цао Кая.

Сам престарелый фельдмаршал Цао сейчас укрывался от свирепых северных морозов в своей тёплой загородной ставке. Возраст давал о себе знать, и старый воин предпочёл передать бразды правления молодому преемнику, официально сославшись на необходимость «инспекции приграничных застав», а сам мирно зимовал в уюте. Вся же тяжесть надзора за лагерем легла на плечи генерала Гао.

— Какая, к чёрту, честь, идиот! — в ярости взвизгнул уездный судья, едва не задохнувшись от ужаса. Повернувшись к Дин Тяню, он закричал срывающийся на фальцет голосом: — Живо отпирай ворота! Слышишь?! Отпирай!!!

<http://bllate.org/book/19387/1997488>